

О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ЗАМЕТКИ ПОЛИТОЛОГА

МАГАРИЛ Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия (magaril@yandex.ru).

Аннотация. В статье обсуждается смысловое наполнение понятий государство и политический режим. Предложены критерии политической и социально-экономической эффективности государства. Показаны эволюция и характерные различия правящих режимов Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева, существовавших в рамках единого советского государства. Обсуждаются процессы, характеризующие Россию начала XXI в. как «общество катастрофы»; причины воспроизводства в России авторитарного режима; последствия неизбывного пренебрежения правящим классом принципа социальной справедливости, а также исторические риски дальнейшего движения общества по колее предшествующих десятилетий.

Ключевые слова: государство • политический режим • базовые черты • признаки различия • критерии эффективности государства

DOI: 10.31857/S013216250000770-0

Постановка проблемы. В отечественном обществоведении, в т.ч. в социологии, не все благополучно с понятиями. Не касаясь причин невольных или сознательных искажений, зафиксируем: путаница в понятиях продуцирует противоречивое сознание, порождая реальные негативные последствия. Известно: в жизни общества может произойти только то, что присутствует в актуальном сознании людей, а в долгосрочной исторической практике закрепляется то, что соответствует доминантам массового сознания. Об этом свидетельствует неизменное воспроизводство в России авторитарных режимов после неоднократных попыток демократического поворота: реформы 1860-1870 гг.; февральская революция 1917 г., оттепель 1960-х гг.; реформы начала 1990-х гг.

Один из таких запутанных смысловых рядов – держава; государство; правящий политический режим (власть); политическая система; правящая верхушка; административно-политические элиты; руководящая корпорация; группы господства, правящая бюрократия; государственный аппарат; руководство страны; привластные группы; существующий строй; институты управления, коллективные агентства...

Остановимся на соотношении двух взаимодополняющих понятиях: государство и правящий политический режим (власть). Их общепринятого смыслового наполнения не существует, достаточно заглянуть в научные словари и публикации. Аналитики, как правило, употребляют то понятие, которое им удобно, оставляя его содержание на усмотрение читателя. Часто оба понятия используются в качестве тождественных, однако в массовом сознании их восприятие существенно различно. В ходе мониторинга 2016 г. ИС РАН наглядно продемонстрировал практически пятнадцатикратное превышение позитивных оценок «государства» над негативными и полутора-кратное преобладание негативных оценок «власти» над позитивными («государство» положительно воспринимают 59% россиян и лишь 4% - отрицательно; а «власть» воспринимают положительно 18% при 28% отрицательных оценок). По мнению ученых, «государство в представлениях многих россиян до сих пор тождественно стране и в силу этого слабо ассоциируется с какими-либо его институтами, за исключением института президентства. Понятие же власть, наоборот, воспринимается в аутентичном смысле, и потому отношение к нему соответственное» [Российское общество..., 2017: 192-193].

Обсуждаемый вопрос не лишен практического значения. Проблема смысла слов была поставлена Б. Уорфом, показавшим влияние слов на поведение людей [Уорф, 1960]. А далее, в соответствии с теоремой Томаса: то, что люди считают действительным, через их деятельность неизбежно имеет реальные последствия. Наиболее драматически лингвистическая двусмысленность проявляется в политических науках, а потому и в политике [Arendt, 1972: 142]. Отсюда необходимость точного использования понятий, звучащих в публичном пространстве.

Манипулируя массовым сознанием, СМИ, и прежде всего телевидение, обеспечивают ситуативное согласие с политикой правящих групп. По итогам выборов в Госдуму (18.09.2016 г.) «Единая Россия» по общефедеральному и одномандатным округам получила абсолютное большинство мандатов – 76,2%. Однако доверие к думе в тот же период не превышало 22%¹. Ситуация иррациональная: массово проголосовав на выборах за кандидатов от правящей партии, россияне отказывают в доверии ее доминантной парламентской фракции. По сути, выборы выродились в ритуал, не имеющий реального политического содержания, а парламент – в декорацию, лишь имитирующую согласование массовых разнонаправленных интересов. Неспособность найти действенный компромисс в перспективе вызывает опасения политической дестабилизации.

Дерационализация общественного сознания при полной свободе правящих элит имела место и в СССР. Привластные идеологи, 74 года вели советский народ от утопии к утопии: ожидание мировой революции – построение социализма – созидание коммунизма – и вновь социализма, но уже с человеческим лицом. И несмотря на реальные достижения страны, культурная революция, развитие производительных сил, победа во Второй мировой войне, научно-технические прорывы — советский общественно-исторический проект потерпел поражение и общество вынужденно вернулось к ценностям буржуазной демократии: частная собственность, рыночная экономика, многопартийность, политическая конкуренция и т. д.

Государство — как исторически изменчивая форма политической и социально-экономической организации общества. В поисках оптимальной формы государственного устройства, способной обеспечить национальное развитие и высокий уровень жизни, народ России в XX в. дважды позволил разрушить государство, его имперскую и советскую модели, отказав им в лояльности и поддержке.

Целевая функция государства — реализация общенациональных интересов — обеспечение общенародного блага: внешней безопасности и внутренней стабильности; установление верховенства закона и беспристрастного правосудия, стратегическое целеполагание — определение направлений и целей национального развития, организационно-управленческая работа по их достижению.

Оценка социально-исторического качества государства, его способности обеспечить выживание и развитие России должна быть поставлена на рационально-критическую основу. С этой целью предлагается ряд критериев эффективности государства.

Экономический критерий – способно ли государство обеспечить развитие. Динамика макроэкономических показателей России за последние годы вынуждает в этом усомниться.

Число бедных в 2016 г. оценивалось в 22 млн чел, при этом большинство из них имело работу. Подобная ситуация беспрецедентна для экономики развитых стран. Согласно рекомендациям МОТ, доля заработной платы в структуре ВВП не должна быть ниже 50-60%, тогда как в России она едва достигает 40%. Все это формирует потенциал масштабных социальных конфликтов.

Политический критерий – способствует ли государство гражданскому и политическому развитию общества или препятствует ему. В России, после 1000 лет православной проповеди гуманистического учения Христа, к началу XX в. вызрела не христианская демократия, но диктатура, опирающаяся на всевластие силовых структур.

Правовой критерий – обеспечивается ли продвижение общества к правовому государству или этот процесс властями блокируется. Вступив на пост президента России, В. Путин заявил: «Мы настаиваем на единственной диктатуре – диктатуре закона»². Однако, судя по масштабам коррупции и казнокрадства, за 16 лет режима общество не приблизилось к верховенству закона.

¹ Мухаметшина А. Доверие к властным институтам после выборов резко снизилось // Ведомости, 13.10.2016.

² Путин В. Какую Россию мы строим. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 8.07.2000. URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php/> (дата обращения: 27.02.2017).

Более того, председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин, констатируя «сращивание власти и криминала», полагает: при сегодняшней «нарастающей криминализации... наше государство может превратиться из криминализованного в криминальное»³.

Социальный критерий — способно ли государство поддерживать социальное равновесие между разнонаправленными интересами больших социальных групп. Приватизация начала 1990 г. породила острую имущественную поляризацию, а потому — резкое несовпадение интересов большинства населения и безмерно обогатившихся окол властных групп. Сказанное свидетельствует о критических деформациях в распределении национального дохода. Положение усугубляет многомиллиардный вывоз капитала, лишая экономику средств на модернизацию. И потому крайне опасно «практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов — куда бы они ни шли работать — на изменение их жизни и профессиональных траекторий» [Горшков, 2010: 36].

Информационный критерий — государство обеспечивает населению доступ к объективной, достоверной, в т.ч. аналитической информации или преднамеренно воздвигает «железный занавес», ограничивая доступ к такой информации, и заменяет ее изощренной массовой пропагандой.

Экологический критерий — способно ли государство осуществлять эффективную природоохранительную политику, как минимум, не допуская ухудшения состояния окружающей среды. Или природоохранные мероприятия, программы модернизации очистных сооружений промышленных предприятий, переработки отходов жизнедеятельности крупных городов хронически недофинансируются; год за годом откладывается ввод более жестких (европейских) стандартов на автомобильное топливо.

Демографический критерий — способно ли государство обеспечить воспроизводство населения страны. «Сбережение людей — главный приоритет страны с демографическими проблемами» [Романовский, 2017: 155]. Однако в последние годы суммарный коэффициент рождаемости не превышал 1,76, и Росстат прогнозирует сохранение коэффициента рождаемости в расчете на одну россиянку на уровне 1,8 до 2035 г.⁴, что не обеспечивает даже простое воспроизводство населения. При этом число самоубийств в России порядка 50-55 тыс. человек в год и по этому показателю страна делит 1-2 место в мире с Литвой [Гилинский, 2011].

Обобщая сказанное, для обсуждения может быть предложена версия национальной идеи: «Социальная демократия — Закон — Благосостояние». Социальная демократия интерпретируется как равный для всех доступ к минимуму жизненно важных благ, в т.ч. ресурсам производственного назначения. Это принципиально важно для развития малого и среднего бизнеса, а потому и формирования массового среднего класса — социального стабилизатора общества. Закон — инструмент, обеспечивающий равный доступ. Благосостояние — цель, на которую работают и демократия, и закон.

Эволюция политических режимов в истории СССР. В рамках единой советской государственности, при единственной монопольно-руководящей партии, но при разных правящих командах в СССР последовательно существовали: жесточайшая репрессивная диктатура развития; авторитарный режим, порывающий с диктатурой — «оттепель»; умеренный авторитаризм застоя и, наконец переходный режим — отказ от авторитаризма при попытке демократизации — «перестройка». В настоящее время многие эксперты сходятся на том, что в России создан «электоральный авторитарный режим» [Травин и др., 2017: 145].

По сути, смена политических режимов выступает как социально-политический механизм реализации правящим классом его коренных интересов, а также его адаптации к изменению внутри- и внешнеполитических условий. При этом конкретный способ осуществления власти во многом зависит от способа ее получения — силовой захват, аппаратные интриги или демократические выборы; и стратегических целей властной группировки — национальное развитие, рост благосостояния народа и его просвещение или самообогащение, комфортный застой, а для этого — дегерационализация массового сознания.

Отечественная история XX в. свидетельствует: в пределах одного и того же государства могут существовать качественно различные политические режимы. Продemonстрируем это на примере

³ Зорькин В. Конституция против криминала / Российская газета, 10.12.2010.

⁴ Сайт Росстата URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения 12.11.2017).

СССР, используя ряд характеристик: продолжительность существования режима; декларируемые цели; доминирующий способ реализации власти; объективные результаты правления.

Правление Ленина - как создавалось советское государство. В первые послереволюционные месяцы государства еще не существовало. Захватившие власть большевики не могли опереться на историческую традицию, поскольку «Переход власти в руки пролетарской партии означал кардинальное изменение социально-политического вектора развития России» [Пантин, 2013: 131]. Базовые черты будущего советского государства в конкретных обстоятельствах его возникновения определяли действия лидеров большевиков. Стремясь выжить в беспощадной гражданской войне, они опирались на масштабное насилие. Его обоснованием стала *диктатура* пролетариата - политический режим, опирающийся непосредственно на насилие, неограниченное никаким законом. Поскольку насилие обеспечило победу, большевики стали использовать его как универсальную социальную технологию управления огромной, многоукладной Россией. Значение насилия «для последующей истории Советской республики оказалось огромным. После окончания гражданской войны большевики... все меньше верят в способность народа к сознательному действию и все больше в собственные бесконтрольные действия, в воспитательную силу расстрелов, концлагерей и т.п.» [Пантин, 2013: 143]. Став доминантой советской государственности при Ленине, диктатура в считанные годы переродилась в единоличную диктатуру Сталина - тоталитарное советское государство.

Правление Сталина: продолжительность 28 лет; жесточайшая *тоталитарная диктатура*, решавшая задачи развития; масштабное государственное насилие; миллионы жертв; культурная революция, в ходе которой к 1940 г. грамоте обучено порядка 60 млн чел; создано высококачественное естественнонаучное и технико-технологическое образование, тогда как социальные науки были превращены в догматику и апологетику очередных утопий советской власти - мировая революция, социализм, коммунизм; к 1960 г. подготовлено несколько миллионов квалифицированных инженеров; решались задачи развития производительных сил общества - аграрная Россия преобразована в индустриальный СССР; победа во Второй Мировой войне; послевоенное восстановление экономики; создание атомного щита государства.

Правление Хрущева: продолжительность 11 лет; *персоналистский переходный режим от диктатуры к умеренному авторитаризму*; противоречивое сочетание жесткой критики диктатуры с беспощадным подавлением протестных выступлений рабочих в Новочеркасске; подписание договора о запрещении ядерных испытаний и смягчение политики «железного занавеса»; вместе с тем подавление венгерского восстания и авантюра Карибского кризиса; принятие утопической программы построения коммунизма к 1980 г. и непродуманная реорганизация управления экономикой СССР, но и начало массового жилищного строительства; достижения в науке - первая АЭС, спутник, полет Гагарина.

Правление Брежнева: продолжительность 18 лет; *посттоталитарный, умеренно-авторитарный режим*; отказ от возврата к масштабному государственному насилию, но и от политики развития — социально-экономический застой. На годы правления Брежнева пришлось большая часть тех 20 лет, которые лидеры СССР отводили на построение коммунизма. Однако режиму не удалось удержать позитивную динамику. В годы правления Брежнева наблюдалось последовательное сокращение темпов социально-экономического развития [Нуреев, Латов, 2014: 17]

В период «застоя» сформировались основные предпосылки крушения СССР. Перебои с поставками сельхозпродукции достигли такой остроты, что обсуждался вопрос о введении в ряде регионов СССР продуктовых карточек. Снизить остроту проблемы отчасти удалось с вводом транс-европейского нефтепровода «Уренгой - Помары - Ужгород», что позволило за валюту от продажи нефти закупать продовольствие.

Попытки главы правительства Н.И. Косыгина осуществить реформы, не вводя частную собственность при сохранении руководящей роли КПСС, успехом не увенчались. В 1971 г. Косыгин признал: «Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые вообще их не хотят» (цит. по: [Андриянов, 2003: 220]). По сути, он указал на партийно-государственную бюрократию, прямо заинтересованную в жестко централизованной экономике и командно-административных методах управления ради сохранения своих доминирующих позиций. Академик В.А. Геловани (с соавторами) констатирует: «Советская политическая система оказалась не просто неспособна выработать новый экономический курс; она боялась видеть себя в реальном зеркале фактов и прогнозов» [Геловани и др., 2008: 71]. Сходна позиция и Ю.А.Левады: «Все кризисы совет-

ского времени – это кризисы внутри правящей элиты, неспособной вывести общество на “нормальный” путь» [Левада, 2001: 280-281].

Из пространства пропаганды без объяснения причин власти убрали лексику несостоявшегося коммунизма, что отражало распад его идеалов в массовом сознании. После чего крушение советского идеократического государства стало лишь вопросом времени. Массовая неудовлетворенность условиями существования, отсутствие позитивных сдвигов в уровне жизни, раздражение привилегиями номенклатуры - привели к возникновению и последовательному нарастанию в советском обществе грозного явления - отчуждение населения от власти. На защиту социализма и территориальной целостности СССР не встал советский народ - «новая историческая общность». Эта идеологическая конструкция оказалось очередным пропагандистским мифом. «Сильным раздражителем общественного сознания стало почти полное прекращение ротации руководящих кадров в стране. Правящая верхушка все больше походила на синклит старцев-геронтократов, потерявших связь с реальностью» [Галкин, Красин, 2015: 164]. Правящий режим не предусматривал политико-правовых механизмов замены дряхлеющих вождей; со своих постов они уходили непосредственно в лучший мир.

Обвал нефтяных цен мирового рынка - результат совместной спецоперации США и Саудовской Аравии, подорвал финансовые ресурсы СССР. Сверх милитаризованная советская экономика выдержать этого не смогла. На излете своего существования СССР имел «четыремиллионную армию, 30 с лишним тыс. единиц ядерного оружия, более 2 тыс. стратегических ракет, 60 тыс. танков и почти 200 атомных подводных лодок, что было больше, чем у всего остального мира вместе взятого» [Арбатов, 2007: 11]. На правление Брежнева пришлось подавление Пражской весны и начало стратегически-бесперспективной Афганской войны.

Правление Горбачева: продолжительность 7 лет; поставторитарный режим; попытка реанимировать идеалы социализма, но уже «с человеческим лицом»; осознание прогрессирующего технико-технологического и социально-экономического отставания СССР; неудачная попытка ускорения развития; политика гласности, как способ борьбы с косным партийно-государственным аппаратом; начало демократических реформ; утрата контроля над общественно-политическими процессами; распад Советского Союза.

Все вышеприведенное свидетельствует о глубоких различиях политических режимов, возникших в пределах единой советской государственности. Характер политического режима определяет способность элиты оценить стратегические, долгосрочные национальные интересы и готовность строить политику, исходя из этих интересов. При этом качество стратегического управления обусловлено способностью режима решать задачи национального развития. П.А.Сорокин, активный участник революционных событий 1917 г., обобщая трагический отечественный опыт писал: «Общество, неспособное развиваться постепенно реформируясь, неизбежно заплатит доброй частью жизней своих членов в горниле революции» [Сорокин, 2005].

Типики неоавторитаризма. Марксизм теоретически прорабатывал историческую возможность и условия перехода от капитализма к социализму. Однако возврат от социализма к капитализму научной теорией не предусматривался. И это одна из значимых причин столь драматического характера и трагических последствий постсоветских преобразований. В правление Б.Н.Ельцина экономика России понесла урон, соизмеримый с потерями во Второй мировой войне. Инфляция в тысячи процентов ликвидировала трудовые сбережения миллионов, а ничинная приватизация породила глубоко деформированные социально-властные отношения. Критическое падение жизненного уровня большинства сопровождалось стремительным мошенническим обогащением немногих и взрывном ростом преступности. За 1990-е гг. «никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось... Масштабного роста благосостояния масс не было» [Попов, 2015: 16]. Происходившие в России последние четверть века процессы приобрели масштаб национальной катастрофы, что породило для их осмысления понятие «общество травмы» [Тощенко, 2017: 21]. Глубокая дезорганизация жизни страны объективно создавала предпосылки ее дезинтеграции [Магарил, 2000]. В итоге, реформаторы лишились массовой поддержки, а в общественном сознании возник запрос на воссоздание авторитарного режима.

Это и произошло в правление В.В. Путина. Однако «мало что поправили 2000-е гг. В эти годы безапелляционно, без всяких оглядок на интересы населения реализовывались принципы либеральной политики» [Тощенко, 2017: 20]. Беспрецедентное изобилие финансовых ресурсов не принесло ощутимых успехов в решении задач национального развития. Согласно оценкам ИС РАН, уровень жизни 59% россиян накануне кризиса 2008 г. соответствовал параметрам: «ниже черты бедности, на грани бедности и в состоянии малообеспеченности» [Горшков, 2009: 6]. Сбережения, достаточные для того, чтобы прожить на них не менее года, имеют лишь 4% населения России [Горшков, 2010: 33]. Власть явно не намерена пересматривать итоги номенклатурной приватизации [Нуреев, Латов, 2015: 77]. При этом основная масса продуктивных активов фактически монопольно закреплена за правящим классом России. К 2015 г. 94,3% экономически активных работников оставались наемными и зависимыми от работодателей [Смирнов, 2016: 16]. В России вместо социально-ориентированной рыночной экономики создан «персональный бизнес высшей бюрократии, интересам которой подчинены экономические, политические и идеологические шаги новой власти» [Иноземцев, 2015: 54]. Одновременно режим потворствует астрономическому казнокрадству. Лишь в последние 1-1,5 года, после ареста ряда губернаторов и высокопоставленных чиновников, появились признаки противодействия федерального центра региональной коррупции. Однако выполнение обещания президента Путина установить в России диктатуру закона⁵ чрезвычайно осложняет отсутствие дееспособного суда. Не случайно, в период 2014-2016 гг. доверие россиян судебной системе, отражая долгосрочные тенденции, варьировалось в пределах 26-22% [Российское общество..., 2017: 170].

Иллюстрацией происходящего служит масштабное и продолжающее расти социально-экономическое неравенство. В 2012 г. порядка 83% населения считали сложившиеся различия в доходах избыточными, а 65% убеждены, что они не получают справедливого вознаграждения за свой труд и компетенции. Тем самым абсолютное большинство россиян отчетливо негативно оценивают созданные в стране механизмы распределения доходов, лишаящие их возможности заработать на достойную жизнь [О чем мечтают россияне, 2012: 32-35]. Россия занимает второе место, после благополучных США по числу долларовых миллиардеров⁶. Более того, прослойка сверхбогатых продолжает интенсивно расти в процессе сжатия отечественной экономики. Так, в 2016 г. количество долларовых миллиардеров в России возросло на 11% и миллионеров на 10%⁷ при сокращении ВВП на 0,2%.

Существует принципиальный вопрос: обеспечил ли авторитаризм 2000-2015 гг. развитие страны? На каких направлениях удалось достичь убедительных результатов? Какие стратегические задачи были решены за годы нефтедолларового изобилия? Только прирост цен на нефть и газ по сравнению с 2002 г. за последующие 10 лет принес России 2 трлн евро дополнительных доходов⁸. На эти и подобные вопросы существует единственный ответ — ощутимого прогресса достигнуто не было. Если в правление Брежнева экспорт из СССР на 55 % состоял из нефти, газа и иного сырья, то в 2010 гг. - на 80% [Иноземцев, 2010: 174]. Выразительная деталь, за 10 лет, начиная с 2002 г., поставки российского сырья в Китай выросли в 5,2 раза, тогда как поставки промышленных товаров из Китая в Россию — почти в 26 раз⁹.

Тем не менее, используя контроль над телевидением, политический режим успешно выдает корыстно-корпоративные интересы групп господства за интересы общенациональные. Официальная пропаганда настойчиво убеждает россиян в эффективности и стратегической дальновидности режима, а потому и в необходимости его бессрочного воспроизводства вопреки нормам конституции и политических приличий. С этой целью «смысловики»¹⁰ в массовое сознание настойчиво внедряют все новые и новые мифологемы: «Россия встает с колен»; «Либеральная империя»; «Энергетическая сверхдержава»; «Суверенная демократия»; «Консервативная модернизация»; «Новая индустриализация» (в ходе которой было обещано создать к 2020 г. 20 млн

⁵ Путин В. Какую Россию мы строим. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 8.07.2000. URL: <http://newsruss.ru/doc/index.php/> (дата обращения: 27.02.2017).

⁶ Спешакин недоволен числом миллиардеров в России. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=171405> (дата обращения: 27.02.2017).

⁷ Бочаров М. Откуда столько миллиардеров? // Аргументы и факты. 26.07.2017.

⁸ Иноземцев В.Л. Поклонение Сибири // Коммерсант-Власть, 10.02.2014а. С. 20-22.

⁹ Иноземцев В.Л. Две стратегии одного президента // The New Times, 26.05.2014б. С.30-33.

¹⁰ Дондурей Д.Б. Главное не запретить, а поглотить инакомыслие // Новая газета. 26.08.2016.

высокотехнологичных рабочих мест); «Россия окружена врагами»; «Страна находится в состоянии гибридной войны» и т.п. Для функционеров правящего режима приведенная мифология лишь прикрытие их корыстно-корпоративных интересов.

Российские ученые высказывают самые серьезные опасения относительно дальнейшего движения общества по инерционной колее. Исследованиями ИС РАН показано: большая часть работников, занятых в экономике, подвержена либо частичной деqualификации, либо общей деградации, что крайне опасно с точки зрения перспектив модернизации. Тревожными тенденциями выступает люмпенизация рабочих низкой квалификации и практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов (куда бы ни шли они работать) на изменение их жизни и профессиональных траекторий [Горшков, 2010: 36].

Вышеизложенное фиксирует необходимость переформатирования созданных элитами социально-властных отношений, а потому и субъекта развития в российском обществе. В России, возможно впервые в истории, возникла ситуация, когда функционеры политического режима, присваивая общенациональную природную ренту, прямо и непосредственно не заинтересованы в национальном развитии. «Экономический рост требует инноваций, а инновации не могут не сопровождаться созидательным разрушением, которое привносит много нового в экономическую ситуацию и может дестабилизировать устоявшуюся политическую систему» [Аджемоглу, Робинсон, 2015: 567].

Следует принять во внимание еще одно обстоятельство. Толпами устремляясь на Запад за правовыми гарантиями сохранения своих капиталов, наши «государственники» наглядно демонстрируют: свое будущее они видят вне России и без России. Одновременно остальную Россию они намерены как можно дальше и как можно дольше держать от правового пространства Запада в качестве основного условия своего противоправного обогащения. При этом свои коммерческие споры олигархи решают в Королевском суде Лондона или Стокгольма.

* * *

Отечественный опыт XX в. свидетельствует: политический режим, неспособный обеспечить национальное развитие, неизбежно уйдет в небытие, увлекая за собой государство. Постсоветские десятилетия наглядно демонстрируют низкую социальную компетентность и политическую беспомощность массовых слоев населения, их неспособность к политико-правовой самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аджемоглу А., Робинсон Д.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015.
- Аладын В., Ковалев В., Мальков С., Малинецкий Г. Помни войну. Аналитический доклад российскому интеллектуальному клубу. М.: Ин-т русск. цивилизац., 2016.
- Андриянов В.И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003.
- Арбатов А.Г. Москва - Мюнхен: новые контуры российской внутренней и внешней политики. Московский центр Карнеги // Рабочие материалы. 2007. № 3. С. 2-28.
- Галкин А.А., Красин Ю.А. Перестройка с дистанции в три десятилетия // Политические исследования. 2015. № 5. С. 160-174.
- Геловани В.А., В.Б.Бритков, Дубовский С.В. Глобальное моделирование процессов развития СССР / России: 1986 - 2010 гг. (Прогноз, который мог изменить ход истории) // Проблемы математической истории. Историческая реконструкция, прогнозирование, методология. М.: URSS, 2008. С. 65-79.
- Гилинский Я.И. Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 39-48.
- Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 3-19.
- Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 30-41.
- Иноземцев В.Л. Что случилось с Россией // Неприкосновенный запас. 2010. № 6. С. 172-179.
- Иноземцев В.Л. В России нет экономической политики // Мир перемен. Специальный выпуск. 2015. С. 52-56.
- Левада Ю.А. Элиты и «массы» в процессе трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? Материалы международного симпозиума 19-20 января 2001. М.: МВЛШСЕН, 2001. С. 273- 285.
- Магарил С.А. Социальное качество как ресурс выживания государственности // Мир России. 2011. № 3. С. 41-70.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России // Мир России. 2014. № 3. С. 6-40.

- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. 2015. № 2. С.50-86.
- О чем мечтают россияне. Идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Круммы, Н.Е. Тихоновой. Аналитический доклад М.: ИС РАН, 2012.
- Пантин И.К. К вопросу о характере Октябрьской революции // Полис. Политические исследования. 2013. №6. С. 131-144.
- Попов Г.Х. 250 лет на службе Отечества // Предпринимательство. 2015. № 6. С. 15-39.
- Романовский Н.В. Семнадцатый год. Век спустя // Социологические исследования. 2017. № 8. С.147-157.
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 5 / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2017.
- Сакаева М.А. Бизнесмены в законодательных собраниях регионов - статус как защита и преференция // Социологические исследования. 2016. № 4. С.142-146.
- Смирнов С.Н. Контекст социальных трансформаций в постсоветские годы: экономическая, институциональная и демографическая динамика // Мир России. 2016. № 1. С. 6-34.
- Сорокин П. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005.
- Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16-26.
- Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь. Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. СПб.: Европ. Ун-т, 2017.
- Уорф Б.Л. Об отношении норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. 1960. URL: http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=72&Itemid=61 (дата обращения: 3.03.2017).
- Arendt H. Crisis of the Republic: Civil Disobedience: on Violence: Thoughts on Politics and Revolution. NY.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

Статья поступила: 10.01.18. Принята к публикации: 22.04.18.

ON POLITICAL REGIMES IN THE HISTORY AND CONTEMPORARY RUSSIA: NOTES OF A POLITICAL SCIENTIST SOVIET STATE

MAGARIL S.A.

Russian State University for Humanities, Russia

Sergei A. MAGARIL, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Chair of public administration and municipal management at the Russian state humanitarian University, scientific editor of the journal «Sociological studies», Moscow, Russia (magaril@yandex.ru).

Acknowledgements. This article was prepared with financial support of RFBR, project № 18-011-00567.

Abstract. The article discusses the semantic content of the concepts of state and political regime. Proposed are criteria of political and socio-economic efficiency of the state. The evolution and characteristic differences of the ruling regimes of Lenin, Stalin, Khrushchev, Brezhnev and Gorbachev are discussed, which existed in the framework of a unified Soviet state. Processes that characterize Russia in the beginning of XXI century as a "catastrophe society" are described as well as the reasons for reproduction in Russia of the authoritarian regime; the consequences of persistent neglect by the ruling class principle of social justice, historical risks of further movement of society on a track of the previous decades.

Keywords: the state, political regime, basic features, signs of distinction, effectiveness.

REFERENCES

- Acemoglu A., Robinson D.A. (2015). *Why are some Countries Rich and Others Poor. Origin of Power, Prosperity and Poverty*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Aladin V., Kovalev V., Malkov S., Malinetsky G. (2003). *Remember the War. Analytical report to the Russian intellectual club*. Moscow: In-t Russk. civilizac. (In Russ.)
- Andrianov V.I. (2003). *Kosygin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
- Arbatov A.G. (2007). *Moscow-Munich: New Contours of Russian Domestic and Foreign Policy*. Moscow Carnegie center (Working materials). No. 3: 2-28. (In Russ.)
- Arendt H. (1972) *Crisis of the Republic: Civil Disobedience: on Violence: Thoughts on Politics and Revolution*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Arendt H. (1972). *Crisis of the Republic: Civil Disobedience: on Violence: Thoughts on Politics and Revolution*. Harcourt Brace Jovanovich. New York.
- Galkin A.A., Krasin Y. A. (2015). Restructuring of the race in three decades. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 5: 160-174. (In Russ.)

- Gelovani V.A., Britkov V.B., Dubovsky S.V. (2008). Global modeling of processes of development of the USSR / Russia: 1986 - 2010 (Forecast, which could change the course of history). Problems of mathematical history. Historical reconstruction, forecasting, methodology. Moscow: URSS: 65-79. (In Russ.)
- Gilinsky Ya.I. (2011). Suicide as a social phenomenon. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 2: 39-48. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2009). Russian society in sociological dimension. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 2: 3-19. (In Russ.)
- Gorshkov M.K. (2010). Social factors of modernization of the Russian society from positions of sociological science. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 30-41. (In Russ.)
- Inozemtsev V. L. (2015). In Russia there is no economic policy. *Mir peremen* [World of changes]. Special issue: 52-56. (In Russ.)
- Inozemtsev V.L. (2010). What happened to Russia. *Neprikosnovenniy zapas* [Inviolable reserve]. No. 6: 172-179. (In Russ.)
- Levada Y.A. (2001). Elite and the "masses" in the process of transformation. In: *Who and Where Aspires to Conduct Russia? Proceedings of the international Symposium 19-20 January*. Moscow: MHSSEN: 273 – 285. (In Russ.)
- Magaril S. A. (2011). Social quality as a resource for the survival of the state. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 41-70. (In Russ.)
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2014). Between "real socialism" and "Oriental despotism": the labyrinths of institutional economic development in Soviet Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 3: 6-40. (In Russ.)
- Nureev R.M., Latov Yu.V. (2015). Post-Soviet institutional development: in search of a way out of the rut of power-property. *Mir Rossii*. [Universe of Russia]. No. 2: 50-86. (In Russ.)
- Pantin I.K. (2013). On the nature of the October revolution. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies]. No. 6:131-144. (In Russ.)
- Popov G.H. (2015). 250 years in the service of the Fatherland. *Predprinimatelstvo*. [Business]. No. 6: 15-39. (In Russ.)
- Romanovsky N. (2017). In Seventeenth year. A century later. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 8: 147-157. (In Russ.)
- Russian Society and the Challenges of Time. 5th book*. (2017). Ed. by M.K.Gorshkov and V.V. Petukhov. Moscow. Ves' mir. (In Russ.)
- Sakaeva M.A. (2016). Businessmen in the legislative assemblies of the regions status as a protection and preference. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 142-146. (In Russ.)
- Smirnov S.N. (2016). The context of social transformations in post-Soviet years: economic, institutional and demographic dynamics. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 1: 6-34. (In Russ.)
- Sorokin P. (2005). *The Sociology of Revolution*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Toshchenko Zh. T. (2017). Injury as a deformation of the evolutionary and revolutionary development of society (the experience of sociological theorizing). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4:16-26. (In Russ.)
- Travin D., Gelman V., Zaoztrovsev A. (2017). The Russian way. Ideas. Interests. Institutes. Illusions. Saint Petersburg: *European University*. (In Russ.)
- Wharf B.L. (1960). Attitude about the norms of behavior and thinking to the language. The New in linguistics. Vol. 1. URL: http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=72&Itemid=61 (accessed 3.03.2017). (In Russ.)
- What Russians dream about. Ideal and reality. (2012). Analytical report. Ed. by M.K. Gorshkov, Krumm R., N.E. Tikhonova. Moscow: ISRAN. (In Russ.)

Received: 10.01.18. Accepted: 22.04.18.